

Содержание

ISSN 2587-8190

Ольга Балакерская. Поэма И. Ф. Богдановича «Душенька»: К проблеме формирования диалога с читателем во второй половине XVIII века.....	119
Илья Виноцкий. «Луизиада» В. А. Жуковского: Из истории одного молитвенника.....	139
Анна Грачева. Вельтман или Достоевский? Стилометрический анализ нескольких романов XIX века.....	168
Оксана Воробьева. «Кушелева, например, надувают безбожнейшим образом»: Гипотеза к одной фразе.....	178
Екатерина Колеватова. Количественный анализ и перспективы изучения русской драмы XIX века (на материале пьес 1870-х годов).....	187
Софья Боленко. Основные мотивы сборника Н. А. Некрасова «Последние песни».....	201
Ольга Макаревич. «Такое умное и характерное лицо не может всем одинаково нравиться...»: Неизвестный отзыв Н. С. Лескова на книгу о митрополите Макарии (Булгакове).....	214
Андрей Люстров. Светотень Андрея Белого: Две статьи о сборнике Ф. Сологуба «Истлевающие личины».....	230
Александра Чабан. Почему Андрей Белый стал «варваром»: К вопросу о рецензии Н. С. Гумилева на книгу стихов «Урна».....	240
Павел Степанов. Путешествия иностранцев с Запада в «чудесную страну»: К вопросу о контексте появления сюжета в детской иллюстрированной книге 1920–1930-х годов.....	265
Александр Кобринский. К проблеме комментирования записных книжек Даниила Хармса.....	284
Виктор Димитриев. Подросток Вадим Масленников: О полемике с Ф. М. Достоевским в «Романе с кокаином» М. Агеева.....	295
Андрей Кокорин. Новые материалы к творческой истории прозы Ю. К. Олеси.....	311

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2018 XIV (2-3)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2018 (2-3)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2018
© «Летняя школа по русской литературе», 2018

Информация об авторах

Ольга Балакерская, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. olya_balakerskaya@mail.ru

Софья Боленко, ученица школы № 67, Москва, Россия. bolenko.s@yandex.ru

Илья Виноцкий, доктор филологических наук, профессор Принстонского университета, Принстон, США. ivinitzk@gmail.com

Оксана Воробьева, аспирант Московского государственного университета, Москва, Россия. erhalten@inbox.ru

Анна Грачева, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия. ansangracheva@gmail.com

Виктор Димитриев, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. ganthenbein@gmail.com

Александр Кобринский, доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия. 444-44-4@list.ru

Андрей Кокорин, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. koko.ololo@gmail.com

Екатерина Колеватова, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. katya.k.v@mail.ru

Андрей Люстров, студент национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия. almlamalm@mail.ru

Ольга Макаревич, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, научный редактор журнала «Русская литература», Санкт-Петербург, Россия. philologolga@gmail.com

Павел Степанов, младший специалист-исследователь Европейского Университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия. pstepanov@eu.spb.ru

Александра Чабан, кандидат филологических наук, PhD, научный сотрудник национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия. achabanlit@gmail.com

ВИКТОР ДИМИТРИЕВ
(Санкт-Петербург)

ПОДРОСТОК ВАДИМ МАСЛЕННИКОВ

*О полемике с Ф. М. Достоевским в «Романе с кокаином»
М. Агеева¹*

В статье рассматривается влияние поэтики романа «Подросток» на повесть М. Агеева «Роман с кокаином». Обосновывается, что Агеев сознательно заимствует и переосмысляет один из ключевых фрагментов романа Достоевского. Проводится анализ функции двух этих фрагментов в сюжетно-композиционной структуре произведения в связи с функцией идеи, сна и воспоминания.

Ключевые слова: М. Агеев (М. Л. Леви), Ф. М. Достоевский, «Подросток», воспоминание, идея.

The article examines the influence of the poetics of «The Adolescent» by Dostoevskii on the story by M. Ageyev «Novel with Cocaine». Ageyev deliberately reinterprets one of the main fragments of the novel by Dostoevsky. The function of these two scenes is analyzed in connection with the function of idea, dream and memories.

Key words: M. Ageyev (M. L. Levi), F. M. Dostoevskii, «The Adolescent», dream, idea.

«Роман с кокаином» М. Л. Леви был целиком опубликован в 1936 году «Издательской коллегией Парижского объединения писателей» под псевдонимом М. Агеев. Ранее произведение печаталось в «Иллюстрированной жизни» (1934. № 1–17) и «Числах» (1934. № 10), подписанное тем же псевдонимом, но с названием «Повесть с кокаином». Благоклонно принятая критикой, повесть с самого начала вызвала ассоциации с творчеством Достоевского. В рецензии на десятую книгу «Чисел» Адамович, высоко оценив

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90002 «Проблемы текстологии и поэтики романного творчества Ф. М. Достоевского: текст как источник и объект интерпретации».

талант автора,¹ прямо указывает на аналогию с романом «Подросток»:

«Повесть с кокаином» интересна и по фабуле. Это история юноши, мальчика, который делает зло, не желая его делать. Начинается она с картины, которая настолько напоминает одну из самых удивительных, самых незабываемых картин Достоевского, что о случайном совпадении не может быть и речи. Агеев читал и знает, конечно, главу из «Подростка», где в чопорный пансион Тушара приходит к герою повествования его испуганная, забытая мать... Вступительные страницы «Повести с кокаином» повторяют этот эпизод. Но повторение так остро, так правдиво в ощущении темы, — а не только ее оболочки, — что досады не вызывает. Наоборот, читаешь будто в первый раз.²

Адамович нередко вспоминал именно эти страницы Достоевского, считая их одними из лучших во всей мировой литературе. К примеру, задаваясь вопросом «что влечет к Достоевскому?» в статье, написанной на 110-летие писателя, Адамович предлагает вспомнить эту «коротенькую сцену, вошедшую во многие хрестоматии: как к герою в детстве приходит из деревни во французский „благородный“ пансион его мать. Разве что-либо подобное есть у любого из величайших писателей в мире?»³ — риторически вопрошает он. В течение всей жизни Адамович остается верен этой оценке, с некоторой навязчивостью вспоминая в связи с Достоевским эти «архи-гениальные»⁴ страницы. Но вслед Адамовичу о повести Агеева высказывается Д. С. Мережковский, который, полагая, что автор соединяет в себе «плотную, по старым образцам вытканную, материю бунинского стиля с новей-

¹ Уже в послевоенное время Адамович в письме Р. Н. Гринбергу от 14 января 1953 года признается, что «на своем веку имел случай прочесть только две рукописи действительно талантливые и подписанные никому решительно неизвестными именами (Агеева «Кокаин» и Емельянова «Свидание Джима»)» (Переписка Г. В. Адамовича с Р. Н. Гринбергом: 1953–1967 / Публ., подг. текста и комм. О. А. Коростелева // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 105). Об этих же произведениях и в том же контексте Адамович высказался и печатно: *Адамович Г.* [Рец. на:] «Круг» [№ 1] // Последние новости. 1936. № 5585. 9 июля. С. 3.

² *Адамович Г.* [Рец. на:] «Числа». Книга десятая // Последние новости. 1934. № 4844. 28 июня. С. 2.

³ *Адамович Г.* Памяти Достоевского // Последние новости. 1931. № 3609. 8 февр. С. 3.

⁴ *Адамович Г.* [Рец. на:] «Современные записки». Кн. 53-я. Часть литературная // Последние новости. 1933. № 4607. 2 нояб. С. 2.

шей блестящей тканью Сирина», все-таки считает, что Агеев должен быть сопоставлен с Достоевским: «А дальше — надо забыть и Бунина с его плотностью, и Сирина с пустым блеском искусственного шелка, а вспомнить... пожалуй, Достоевского, — только Достоевского тридцатых годов нашего века».¹

Вместе с тем ни Адамович, ни Мережковский не поясняют, в чем именно состоит «близость» между писателями. П. Пильский, откликнувшийся уже на полное издание повести, пытается сформулировать точки пересечения между Агеевым и Достоевским. Агеев, считает Пильский, «колоч» и «беспощаден», его «анализ остр, резок и смел». «Перед читателем он стоит как на духу: все обнажено, все сказано до конца. Произнесены без недомолвки все слова, ничего не затаено. Человек раскрыт со всеми своими явными и тайными немощами, грехами и пороками, и эта правда не только оголена, но еще и заострена».² С Достоевским его роднит тип «пристрастный» к тому, что скрывается под наружным «покровом», ему хочется «ядовито и ехидно просунуться внутрь, прищуриться, подмигнуть глазком, вынуть из горсти зерна одно, непременно подгнившее семя».³ Пильский максимально сближает автора и героя, хоть и знает из пришедшего ему письма, что Агееву (Леви) уже больше сорока лет (в действительности — 38). Вооружившись стереотипом о «жестоком таланте» Достоевского (Пильский в начале рецензии вспоминает Н. К. Михайловского), критик обнаруживает в герое Агеева предельный цинизм, лишенный вместе с тем «негодования» (на все герой смотрит словно со стороны). Пильский считает, что гибель героя недостаточно мотивирована и вызывает сравнение не с «прыжком в бездну», а с комом, катящимся «с пригорка, с небольшого

¹ Мережковский Д. С. Около важного (О «Числах») // Критика русского зарубежья: [В 2 ч.]. М., 2002. Ч. 1. С. 39. Мотив ожидания «нового» Достоевского был близок и Адамовичу, который в одном из фрагментов «Комментариев», впервые опубликованном в 1953 году, восклицает: «Но еще раз, еще раз, еще раз, как жаль, что нет Достоевского! История ошиблась, поторопившись выпустить его на полстолетия раньше, чем следовало бы. Он один нашел бы в наши дни вдохновение для новых „записок“ из нового „подполья“, которые краской стыда легли бы на целую эпоху и на столь дорогое ей понятие прогресса» (Адамович Г. В. Комментарии // Собр. соч.: В 18 т. М., 2016. Т. 14. С. 59–60).

² Пильский П. Кокаин. О новой книге М. Агеева: «Роман с кокаином» // Сегодня. 1936. № 341. 10 дек. С. 3.

³ Там же.

семейного и гимназического холмика». Несмотря на это, он высоко оценил книгу за способность Агеева искупить недостатки «серьезностью и буравящей, проверенной болью».¹ Но если Пильский говорит о глубине вопросов, поставленных героем в заключительной части «Мысли», то В. Ф. Ходасевич, невысоко оценивающий художественные достоинства повести и полагающий глубоко неоригинальным решение автора прибегнуть к исповедальной форме, находит «мысли» Вадима «морализаторствованиями самого банального, а то и пошло-ватого пошиба».²

В свою очередь, А. Л. Бем откликается в рецензии 1938 года именно на сравнение Агеева с «Подростком» Достоевского, прозвучавшее и во второй статье Адамовича,³ и, вероятно, полемически ориентирует свой ответ на мнение главного вдохновителя «русского Монпарнаса», чья эстетика была ему глубоко враждебна. Бем соглашается с определяющим влиянием Достоевского на повесть Агеева, однако утверждает, что влияние это «чисто внешнее, без проникновения в самую суть его творчества».⁴ Так же, как Адамович, Бем указывает на эпизод «отречения от матери», соглашаясь, что автор «Романа с кокаином» пишет его под влиянием знаменитой сцены из «Подростка». Однако совершенно по-разному эти два фрагмента, считает он, функционируют в произведениях двух авторов: у Достоевского это «временное отклонение от нормы», у Агеева «эпизод становится сюжетным узлом, который вплетен в самую развязку произведения» и, «несмотря на то, что Агеев чаще, чем Достоевский, говорит об осознании героем омерзительности своего поведения, читатель ему ничего не прощает, как не прощает и самому автору, которого невольно отождествляет с героем».⁵ Это скорее не литература, считает Бем, а «клинический случай, который в итоге может привести лишь к постановке диагноза болезни, но не в состоянии дать никакого художественного

¹ Там же.

² Ходасевич В. Книги и люди // Возрождение. 1937. № 4060. 9 янв. С. 9.

³ Адамович Г. «Роман с кокаином» // Последние новости. 1936. № 5732. 3 дек. С. 2.

⁴ Бем А. Л. Литература с кокаином // Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 437 (впервые: Меч. 1938. № 31. 7 авг.).

⁵ Там же.

разрешения».¹ Именно отсутствие дистанции между автором и героем — главный изъян художественного метода Агеева, и неслучайно в этой же рецензии Бем ссылается на книгу «Умирание искусства» В. В. Вейдле, в которой смешение автора и героя полагается одним из симптомов исчезновения вымысла.

Современники находили близость между эмигрантским автором и Достоевским, причем и Бем, и Адамович указывают на один фрагмент из «Подростка», по-разному, правда, оценивая художественную выразительность отмеченной ими сцены в повести Агеева. В рамках статьи мы бы хотели сопоставить две эти сцены и их место в сюжетно-композиционной структуре двух произведений, в связи с функцией идеи, сна и воспоминания.²

И «Подросток», и «Роман с кокаином» написаны в исповедальной манере, от первого лица. В обоих произведениях вспоминаются события недавнего прошлого, воспринятые с точки зрения подростка, члена «случайного семейства» (Вадим Масленников растет без отца). Обоих героев характеризуют импульсивность, ориентация своей речи на воображаемого собеседника, мотивы двойничества. Героев объединяет циничное отношение к женщинам (с той разницей, что Аркадий, в отличие от Вадима, девствен), категоричность оценок и наличие основополагающей для самосознания идеи: «ротшильдства» у Аркадия и теории «качелей» у Вадима (экспликация которой в конце повести подготавливается на протяжении всего произведения).³ Кроме того, дискурс героев-рассказчиков включает в себя метаповествовательные замечания. В «Подростке» писательская рефлексия Аркадия составляет весомую часть романа и постоянно сталкивает его «антилитературность» с проявляющимися непроизвольно в его речи «литературными

---

¹ Там же.

² В наибольшей степени тема «Агеев и Достоевский» применительно к субжанру «исповеди антигероя» развита в работе Н. В. Живолуповой. См.: *Живолупова Н. В.* «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского и субжанр «исповеди антигероя» в русской литературе второй половины 19-го — 20-го века. Нижний Новгород, 2015. С. 367–406 (глава «Субжанр исповеди антигероя в литературе 20-го века (Е. Замятин, М. Агеев, В. Набоков, Вен. Ерофеев»)).

³ Конечно, функция «идеи» в романах различны: в «Подростке» «накопительство» составляет только внешнюю сторону идеи, сопряженную со свойственным Аркадию желанием властвовать над другими, внутренняя же сторона касается вопроса самовоспитания.

красотами». Герой пытается осознать то, каким образом он продуцирует свой текст. Характерные примеры встречаются с самого начала романа: «Я перечел теперь то, что сейчас написал, и вижу, что я гораздо умнее написанного. Как это так выходит, что у человека умного высказанное им гораздо глупее того, что в нем остается?» (с. 6);¹ «...а между тем читатель наверно уже вывел...» (с. 8) и т. п. У Агеева метаповествовательная рефлексия выражена гораздо меньше и сконцентрирована в четвертой части «Мысли», уже в начале которой мы читаем: «Но невольно, лишь только записал я сейчас все эти слова, как тотчас, с чрезвычайной явственностью, мне представилась презрительная улыбка на лице того, в чьи руки попадут эти мои печальные записки» (с. 213).²

Функция завершающей части записок Вадима во многом соответствует функции пятой главы первой части романа «Подросток», в которой Аркадий излагает свою идею. Вадим пытается определить влияние на себя кокаина и вывести на основании этого строжайший закон, руководящий человеческой жизнью, при этом он строит свое доказательство в постоянной «оглядке» на читателя, впоследствии и «милых пророков» («Вы, может быть, и тут скажете <...>» (с. 231); «Поймите же, добрые Пророки...» (с. 233)). Вадим признается: «За долгие ночи и долгие дни под кокаином в ягиной комнате, мне пришла мысль о том, что *для человека важны не события его жизни, а лишь отражаемость этих событий в его сознании*» (с. 214).³ Размышляя об этом, Вадим приходит к выводу, что человеку нужно сознание своего счастья, а не соответствующие ему внешние доказательства счастья (к примеру, отец продолжает считать себя отцом, даже если его сын умер, ведь, пока он не узнал об этом, ничего в *сознании* (курсив мой. — В. Д.) его не изменится). Именно этим объясняется сила кокаина, который в обход «внешних» событий дает человеку единственное,

¹ Достоевский Ф. М. Подросток // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1975. Т. 13. С. 6. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в скобках номера страницы.

² Агеев М. Роман с кокаином // Агеев М. Роман с кокаином: С приложением рассказа «Паршивый народ». СПб., 2008. С. 213. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в скобках номера страницы.

³ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, курсив в цитатах принадлежит автору.

что ему требуется — счастье от события «внутреннего». Таким образом, в сознании Вадима воображаемое целиком брало на себя тяжесть «реального», потому и глава называется «Мысли»: практически никаких действий вплоть до своей смерти герой Агеева не совершает. Эта особенность идеи Вадима находит соответствие в одном из существенных определений идеи Аркадия: «...уединенное и спокойное сознание силы! Вот самое полное определение свободы, над которым так бьется мир! Свобода!» (с. 74). Деньги для него — символ возможности этого *сознания*. Ведь Аркадию нужна «порочная воля *вся*», чтобы иметь возможность свободно от нее отказаться. Аркадий, который «еще в детстве выучил наизусть монолог Скупого рыцаря у Пушкина» (с. 75), восклицает вслед за ним «с меня довольно / Сего сознания» (Там же). Вадим, желающий «стать знаменитым адвокатом и богачом» (с. 215), вдруг понимает, что в своей мечте он уже множество раз опережал все те чувства, которые должны были в нем пробудить события планируемого будущего. Однако вслед за «грезой» кокаина наступает для героя отрезвление, выраженное в постыдном, уничтожающем сознание «воспоминании»: «...память, как в тошноте, возвращала обратно все, и я смотрел, не мог не смотреть на эти видения зловещего срама. Вспоминалось до мельчайших подробностей все» (с. 219). Но каждое «воспоминание», несмотря на свою убедительность, возвращало героя к новой дозе кокаина, в связи с чем и рождается у него мысль, «не есть ли душа человеческая нечто вроде качелей, которые, получив толчок в сторону человечности, уже тем самым подвергаются *предрасположению* откачнуться в сторону зверства?» (с. 223). Но ведь и Аркадий открывает в себе такие же «качели»: он видит смущающий его сон об Ахмаковой (желание «выкупа» вопреки его «чистым» намерениям) именно тогда, когда более всего настроен следовать за «благообразием» Макара (и практически непосредственно после сна-воспоминания о визите матери в пансионе Тушара): «А пока лишь скажу одно: пусть читатель помнит *душу наука*. И это у того, который хотел уйти от них и от всего света во имя „благообразия“! Жажда благообразия была в высшей мере, и уж конечно так, но каким образом она могла сочетаться с другими, уж бог знает какими, жаждями — это для меня тайна» (с. 307).

Однако идея Аркадия выталкивает его в мир действия среди людей, а «раздаваемые» в записках воспоминания, вставшие на место «ротшильдских миллионов», учат его корректировать в памяти схематические образы других. В то время как идея Вадима является подытоживающей его «падение» рамкой, которая способна для него объяснить теперь любое событие как в настоящем, так и в прошлом: ведь и его записки мы читаем с точки зрения героя, уже выдумавшего свою идею «качелей». Таким образом, Вадим как бы концептуализирует события в прошлом, выстраивая композицию своей исповеди так, чтобы за каждым предполагаемым раскаянием следовало еще более глубокое падение.

Вернемся теперь к сравниваемым эпизодам. В повести Агеева сцена с матерью у стен гимназии является экспозицией героя и имеет отношение к реальному событию недавнего прошлого. «Оскорбленный» нищетой, жалким видом, униженностью матери, Вадим, не взяв забытые утром деньги за обучение в гимназии, которые мать ему теперь принесла, отвечал ей «ненавидящим шепотом», чтобы она заплатила сама, и всячески подчеркивал отвращение и презрение к ней. Своим товарищам он сказал, что этот, как выразился один из гимназистов, «шут гороховый в юбке» — «обнищавшая гувернантка» и что «они смогут за ней не без успеха поухаживать» (с. 19). Герой чувствует ожог стыда, однако стыд быстро проходит, и уже дома Вадим принимается «мстить» матери за свою жалость. Желание утешить мать и сказать ей «мамочка» (что, сокрушаясь, повторяет Аркадий, осознав, как обидел свою «гостью»), встречает в герою Агеева противоположное желание: «...я хватил кулаком по тарелке и болью пораненной руки и облитыми супом брюками окончательно уверованный в своей правоте, справедливость которой как-то туманно подкреплялась чрезвычайным испугом няньки, — я, грозно выругавшись, пошел к себе в комнату» (с. 22–23).

Характерно, что следующая главка начинается словами «Вскоре после этого я заболел» (с. 23), которые читатель может принять за раскаяние героя, однако в следующем же предложении становится ясно, что это болезнь венерическая. Формально сцена приезда «госты» Софьи Андреевны в пансион Тушара к Аркадию, который стыдится ее «крестьянско-

го» наряда перед богатыми детьми и подчеркнуто отстраненно с ней разговаривает, сближается со сценой в повести Агеева. Однако между этими сценами есть существенное различие: внутри «воспоминания» о пансионе Тушара заложен временной сдвиг,¹ по прошествии которого Аркадий раскаивается в своем поступке: «Прошли целые полгода, и наступил уже ветреный и ненастный октябрь» (с. 273). Герой случайно обнаруживает у себя в ящике «синенький батистовый платочек» матери, куда были вложены ему четыре двугривенных, и уже перед сном, положив этот платочек под подушку, вдруг начинает целовать его, плакать и причитать, и резкое болезненное воспоминание оформляет причитание:

Я закрывал глаза и видел ее лицо с дрожащими губами, когда она крестилась на церковь, крестила потом меня, а я говорил ей: «Стыдно, смотрят». «Мамочка, мама, раз-то в жизни была ты у меня... Мамочка, где ты теперь, гостя ты моя далекая? Помнишь ли ты теперь своего бедного мальчишка, к которому приходила... Покажись ты мне хоть разочек теперь, приснись ты мне хоть во сне только, чтоб только я сказал тебе, как люблю тебя, только чтоб обнять мне тебя и поцеловать твои синенькие глазки, сказать тебе, что я совсем тебя уж теперь не стыжусь, и что я тебя и тогда любил, и что сердце мое ныло тогда, а я только сидел как лакей. Не узнаешь ты, мама, никогда, как я тебя тогда любил! Мамочка, где ты теперь, слышишь ли ты меня? Мама, мама, а помнишь голубочка в деревне?..» (с. 273–274).

В воспоминании героя начинает бить Ламберт, но и в реальности Аркадий просыпается от ударов случайно нашедшего его на Конногвардейском бульваре Ламберта, своего гимназического «товарища», в романе выполняющего функцию

---

¹ Здесь мы не касаемся ни темы связи состояния героя с изменениями в природе, ни христианского подтекста данного фрагмента, который, несомненно, играет существенную роль: Софья Андреевна приходит, когда «минула святая неделя» (с. 270); служба, предвещающие колокола которой слышит Аркадий, проходила «в старинной московской церкви» (Там же), построенной еще в допетровское время; мать, уходя, крестит Аркадия; звучит «колокол ко всеночной» (с. 273) в тот вечер, когда Аркадий находит «платочек» матери, и др. Об этом см., например: *Серопян А. С.* Мотив Великой Субботы в романе «Подросток» // Достоевский и современность: Материалы XXIV Международных Старорусских чтений 2009 года. Великий Новгород, 2010. С. 265–275; *Захаров В. Н.* Символика христианского календаря в поэтике Достоевского // Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М., 2012. С. 128–138.

двойника-антипода. У Агеева эпизод помещен в начало повести. В «Подростке» это спасительное для героя воспоминание приходится на центр романа и пролагает демаркационную линию между историей «стыда и позора» (с. 163) и третьей частью, в которой Аркадию удается *не* совершить преступление. Представляется чрезвычайно важным, что сцена в пансионе Тушара является событием непроизвольного воспоминания и помещена в центр романа, и больше говорит о «сегодняшнем» восприятии и переосмыслении Аркадия, нежели просто воспроизводит прошлое. И несмотря на то, что сразу вслед за этим начинается ключевое «испытание» героя «делкой» с Ламбертом, непосредственно примыкающее к этому событию «девятидневное беспамятство» (с. 281) как бы открывает для Аркадия еще один маршрут внутри своей памяти. Как считает А. Ю. Карпиленко, «воспоминания о первой встрече с отцом <(с. 92–100)> и о приезде матери в пансион отражают развитие в душе Подростка двух амбивалентных тенденций соответственно: от любви к обиде, и от стыда к любви».¹ При всей бесспорности такого утверждения сделаем все же оговорку: наряду со стыдом как отправным пунктом нового знания о прошлом, Аркадий открывает для себя, что, внимательно восстанавливая образ другого в памяти, он способен научиться вере в свободу другого человека, в его способность к изменению.

Однако и в «Романе с кокаином» присутствует временной сдвиг между реальной сценой у гимназии, описанной в начале повести, и «встречами» с матерью в снах-галлюцинациях Вадима. Уже в последней части «Мысли», после того, как Вадим объясняет теорию «качелей», он видит два помещенных один в другой сна: воображению героя предстают две смерти его матери, убийство и самоубийство. В первом сне герой видит свадьбу с Соней, на которую приходит его мать, столь же отвратительная ему, как и в открывающей повесть сцене. Во сне она, поняв негодующий взгляд сына, садится поодаль и вдруг начинает «быстро», «жадно всасывая пищу», есть, внезапно

¹ Карпиленко А. Ю. Роль детских воспоминаний в становлении сознания Аркадия Долгорукого в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Летние чтения в Даровом: Материалы Международной конференции 27–29 августа 2006 г.: К 550-летию рода Достоевских. Коломна, 2006. С. 27.

открывая для героя свое отдельное от него существование: «Я вдруг почувствовал, что любовь ее ко мне — это только малая толика ее чувств, потому что помимо этой любви у нее, как у каждого человека, есть кишечник, артерии, кровь и половые органы и что мать любит, не может не любить это свое физическое тело гораздо больше меня» (с. 235). Словно бы в подтверждение этого мать героя выходит из-за стола, поскольку у нее «испортился желудок» (с. 235), а когда возвращается (и тут впервые их «взгляды любовно скрещиваются, друг друга зовут» (с. 236)), штык военного стражника при дверях, не пускающего ее по приказу Вадима, «замечательно мягко входит в живот матери» (с. 236). Проснувшись от этого кошмара, Вадим спешит к ней (здесь начинается его второй сон). Уже в родительском доме его посещает воспоминание о каком-то давнем дне, проведенном в этих стенах, но он не может вспомнить, «когда это случилось» (важное здесь нарушение памяти, свидетельствующее, что, в отличие от Аркадия, Вадиму не доступны «спасительные» воспоминания детства). Вадим долго описывает, как он входит в комнату матери, как ему кажется, что мать там, и как он обнаруживает ее повесившейся. И он вновь просыпается. «Я сидел за столом, — пишет он, — в пальто и калошах, шею и ноги простудно ломило, фуражка лежала на сальной тарелке, а горло мое было наполнено комком горьких, невыплаканных слез» (с. 243).

Последняя примыкающая к этой сцене глава, которая и завершает записки Вадима, построена по тому же принципу нарушения ожидания, как и начало повести: «Через час я уже поднимался по лестнице и как только увидел знакомую и милую дверь, так тотчас почувствовал радостный трепет» (с. 243). Однако не к матери, дважды умершей в его галлюцинациях, пришел он, а к поставщику кокаина Хирге, о чем читатель узнает только к концу эпизода.

Со сценой из «Подростка» связан не один, а два фрагмента повести Агеева. Аркадий после попытки поджечь дровяной склад видит сон о двух событиях в прошлом, в воспоминании о которых «теперь» с резкостью проявилась его любовь к матери. Агеевский герой тоже видит сон, символически повторяющий экспозицию записок, однако «раскаянье» не приводит его ни к каким конкретным действиям.

Здесь следует напомнить, что Агеев заимствует из романа «Подросток» сцену (визит матери в пансион Тушара), которая в скором времени после смерти Достоевского стала в буквальном смысле хрестоматийной. Вставная история, исполняющая в романе роль одного из ключевых для сюжета событий, была в 1883 году напечатана под заглавием «В барском пансионе» в составе других отрывков из произведений Достоевского, адресованных редактором О. Ф. Миллером «русским детям».¹ Впоследствии этот отрывок выходит отдельным изданием,² воспроизводится в составе сборника под редакцией А. В. Круглова,³ входит в состав хрестоматий для детей, как, например, в книгу для изучения родного языка, подготовленную известным педагогом и директором Тенишевского училища А. Я. Острогорским.⁴ Отрывок лишается своего сложного романического контекста и включается в контекст назидательных историй для юношества, воспитывающих в детях сострадание. По счастливому совпадению Агеев отправляет рукопись своей повести именно Адамовичу,⁵ чрезвычайно ценившему этот «хрестоматийный» фраг-

¹ [Достоевский Ф. М.] В барском пансионе (из ром. «Подросток») // Русским детям: Из соч. Ф. М. Достоевского / Под ред. О. Ф. Миллера. СПб., 1883. С. 141–146.

² [Достоевский Ф. М.] В барском пансионе: Из романа «Подросток» Ф. М. Достоевского / Изд. Л. Ф. Достоевской. СПб., 1887.

³ [Достоевский Ф. М.] В барском Пансионе // Достоевский для детей школьного возраста / Под ред. А. В. Круглова. СПб., 1897. С. 65–74.

⁴ [Достоевский Ф. М.] В барском пансионе: Из романа Ф. М. Достоевского «Подросток» // Живое слово: Книга для изучения родного языка / Сост. А. Я. Острогорский. СПб., 1912. Ч. II. С. 21–25.

⁵ Серков А. И. Архивная быль или конец Романа с кокаином // Revue des études slaves. 1997. Т. 69. Ф. 3. Р. 378. Серков полагает, что Агеев отослал рукопись в «Иллюстрированную Россию» на имя Адамовича (который вел там раздел «Литературная неделя»), поскольку, во-первых, другие периодические издания в Константинополь, где тогда жил Леви, не поступали, во-вторых, в «Иллюстрированной России» проходил конкурс на лучшее произведение нового автора, и это был хороший шанс заявить о себе (Там же. С. 374). Следует добавить к этому очевидные соображения, что не было в середине 1930-х годов лучшего проводника в мир «столичной», парижской эмигрантской словесности, нежели Адамович, один из главных вдохновителей журнала «Числа». Конечно, нет оснований утверждать, что Леви было известно восторженное отношение Адамовича к фрагменту из романа «Подросток».

мент из романа «Подросток», и Агеев возвращает этой сцене художественную сложность, переосмысляя ее уже в рамках своего произведения.

Можно предположить, что именно «идея», предпосланная жизни, становится для Вадима решающими и не преодолеваемыми границами, категорически навязывая свою логику и не допуская свободных действий героя. Ходасевич отчасти был прав, когда говорил, что повесть Агеева словно бы является доказательством «прописных истин»,¹ с той поправкой, что автор, кроме этого, настойчиво показывает, как подобные «истины» захватывают сознание человека, не уступая в интенсивности воздействию кокаина. Фрагмент с визитом матери в пансион Тушара подготавливает Аркадия к «прозрению» (в этом заключается функция данной сцены), у Агеева фрагмент существует как след в памяти, актуализация которого с железной необходимостью тянет за собой свою противоположность.²

Свою повесть Агеев создает в первой половине 1930-х годов, время ее действия — 1913–1919 годы. Ретроспективный авторский взгляд в чем-то может быть уподоблен художественной оптике Ивана Болдырева в повести «Мальчики

¹ Ходасевич В. Книги и люди. С. 9.

² А. А. Кобринский считает, что нельзя не заметить в романе «стилистической и сюжетной „назойливости“, с помощью которой М. Агеев наращивает то, что было принято называть „достоевщиной“» (*Кобринский А. А. «Роман с кокаином» М. Агеева: На перекрестке традиций // Агеев М. Роман с кокаином: С приложением рассказа «Паршивый народ». М., 2008. С. 332*). Таким, полагает Кобринский, можно считать эпизод с нянькой героя, которая решила отдать Вадиму свои накопленные деньги, чтобы отвести гнев героя от его матери: «А подавая мне эти деньги, нянька все шмыгала носом, и моргала глазами, и стыдилась показать свои счастливые, светлые, жертвенные слезы любви» (с. 88). Этот явный штамп («счастливые, светлые, жертвенные слезы любви») Кобринский предлагает рассматривать как конкретную «работу» Агеева с разными традициями; осложнено должно быть и наше отношение к «жестокости» в романе и к «насилию» героя над матерью, в связи с чем Кобринский приводит в пример рассказ Хармса «Власть» (1940). «Думается, что текст М. Агеева — переходный от русской классической литературы, где еще царил пафос (как определенный тип отношения автора к тексту; противоположность иронии), — к авангарду и поставангарду, использующим подобные сюжетные и стилистические коллизии как систему отсылок к различным типам культур» (*Кобринский А. А. «Роман с кокаином» М. Агеева. С. 333*), — заключает ученый.

и девочки» (1929). Последний рисует бывшую гимназию, а теперь советскую трудовую школу 1918–1919 годов. Своих «мальчиков и девочек» Болдырев оставляет на пороге перемены, лишь чуть-чуть приоткрывая их будущее в заключительном абзаце.¹ Леви (Агеев), бывший на пять лет старше Болдырева, также внушительную часть повести посвятивший гимназии, раскрывает в своих героях-учениках истоки будущих людей, творящих вначале Первую мировую (Вадим в это время учится в гимназии, а затем на юридическом факультете), а затем революцию (Буркевиц становится одним из функционеров). «Качели», открытые как закон человеческой души, определяющие уже целый народ, приводят героя к метаисторическим выводам:

Это стремление взвить душевные качели в сторону Человечности и неизменно вытекающий из него отлет в сторону Зверства проходит чудесной и в то же время кровавой полосой сквозь всю историю человечества, и мы видим, что как раз те особенно темпераментные эпохи, которые выделяются исключительно сильными и осуществленными в действительности взлетами в сторону Духа и Справедливости, кажутся нам особенно страшными в силу перемежающихся в них небывалых жестокостей и сатанинских злодейств (с. 233).

Л. Аннинский прочитывает эту эскападу под знаком революции и тем самым объясняет, почему вернувшийся в СССР Леви не мог бы и подумать обнародовать свое сочинение на родине. «Пока качели с ангелом и чертом качаются в душе отдельного человека, — пишет Аннинский, — это еще „лирика“, но когда эти качели захватывают миллионы душ, — это уже „эпос“».²

Возможно, вопреки «идее» своего героя, Агеев изображает историю нераскаявшегося Вадима именно для того, чтобы «расшатать» читательскую инерцию, диктующую ис-

¹ Характерно, что в насыщенном литературными аллюзиями произведении Болдырева важную роль играет творчество Достоевского, в том числе роман «Подросток». См.: Димитриев В. М. Повесть Ивана Болдырева «Мальчики и девочки»: К особенностям поэтики // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 26–38.

² Аннинский Л. Роман без кокаина // Агеев М. [Леви М.] Роман с кокаином. М., 1999. С. 14.

катель в искусстве торжество справедливости, и тогда фрагмент из «Подростка» не в последнюю очередь выбирается полемически, с целью показать, что «человек 30-х годов» обнаруживает неспособность отыскать в себе спасительное воспоминание по модели героя Достоевского,¹ хоть и находится с ним в непосредственном литературном родстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Агеев М. Роман с кокаином // Агеев М. Роман с кокаином: С приложением рассказа «Паршивый народ». СПб., 2008. С. 13–249.
2. Адамович Г. [Рец. на:] «Круг» [№ 1] // Последние новости. 1936. № 5585. 9 июля. С. 3.
3. Адамович Г. «Роман с кокаином» // Последние новости. 1936. № 5732. 3 дек. С. 2.
4. Адамович Г. [Рец. на:] «Современные записки». Кн. 53-я. Часть литературная // Последние новости. 1933. № 4607. 2 нояб. С. 2.
5. Адамович Г. [Рец. на:] «Числа». Книга десятая // Последние новости. 1934. № 4844. 28 июня. С. 2.
6. Адамович Г. В. Комментарии // Собр. соч.: В 18 т. М., 2016. Т. 14. С. 58–60.
7. Адамович Г. Памяти Достоевского // Последние новости. 1931. № 3609. 8 фев. С. 3.
8. Аннинский Л. Роман без кокаина // Агеев М. [Леви М.] Роман с кокаином. М., 1999. С. 3–17.
9. Бем А. Л. Литература с кокаином // Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 436–440.
10. Димитриев В. М. Повесть Ивана Болдырева «Мальчики и девочки»: К особенностям поэтики // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 26–38.
11. [Достоевский Ф. М.] В барском пансионе (из ром. «Подросток») // Русским детям: Из соч. Ф. М. Достоевского / Под ред. О. Ф. Миллера. СПб., 1883. С. 141–146.

---

¹ Это не в последнюю очередь связано с тем, что эмигрантские авторы переосмыслили важнейшие топосы русской литературы, дискредитируя не только детство, но и материнство. О последнем, в частности, свидетельствуют «Тело» и «Любовь к шестерым» Е. Бакуниной, «Повелительница» Н. Н. Берберовой. См. об этом: Рубинс М. Русский Монпарнас: Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма / Пер. с англ. М. Рубинс, А. Глебовской. М., 2017. С. 255–271, 281–296.

12. [Достоевский Ф. М.] В барском Пансионе // Достоевский для детей школьного возраста / Под ред. А. В. Круглова. СПб., 1897. С. 65–74.
13. [Достоевский Ф. М.] В барском пансионе: Из романа «Подросток» Ф. М. Достоевского / Изд. Л. Ф. Достоевской. СПб., 1887.
14. [Достоевский Ф. М.] В барском пансионе: Из романа Ф. М. Достоевского «Подросток» // Живое слово: Книга для изучения родного языка / Сост. А. Я. Острогорский. СПб., 1912. Ч. II. С. 21–25.
15. Достоевский Ф. М. Подросток // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1975. Т. 13.
16. Живолупова Н. В. «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского и субжанр «исповеди антигероя» в русской литературе второй половины 19-го — 20-го века. Нижний Новгород, 2015.
17. Захаров В. Н. Символика христианского календаря в поэтике Достоевского // Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М., 2012. С. 128–138.
18. Карпиленко А. Ю. Роль детских воспоминаний в становлении сознания Аркадия Долгорукого в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Летние чтения в Даровом: Материалы Международной конференции 27–29 августа 2006 г.: К 550-летию рода Достоевских. Коломна, 2006. С. 22–27.
19. Кобринский А. А. «Роман с кокаином» М. Агеева: На перекрестке традиций // Агеев М. Роман с кокаином: С приложением рассказа «Паршивый народ». М., 2008. С. 323–334.
20. Мережковский Д. С. Около важного (О «Числах») // Критика русского зарубежья: [В 2 ч.]. М., 2002. Ч. 1. С. 37–41.
21. Переписка Г. В. Адамовича с Р. Н. Гринбергом: 1953–1967 / Публ., подг. текста и комм. О. А. Коростелева // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 97–182.
22. Пильский П. Кокаин. О новой книге М. Агеева: «Роман с кокаином» // Сегодня. 1936. № 341. 10 дек. С. 3.
23. Рубинс М. Русский Монпарнас: Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма. М., 2017.
24. Серков А. И. Архивная быль или конец Романа с кокаином // Revue des études slaves. 1997. Т. 69. Ф. 3. Р. 373–380.
25. Серопян А. С. Мотив Великой Субботы в романе «Подросток» // Достоевский и современность: Материалы XXIV Международных Старорусских чтений 2009 года. Великий Новгород, 2010. С. 265–275.
26. Ходасевич В. Книги и люди // Возрождение. 1937. № 4060. 9 янв. С. 9.